
Роман РУБАНОВ

* * *

Лед на реке не сошел темно-серый.
Парк у реки неприкаян и гол.
Словно в кимвалы защелкали: «Веруй!»
Неугомонные — дрозд и щегол.

Веруй в сошедшие воды и всходы,
Первые почки в скуфейках дьячков,
Первые весточки грустной свободы,
По капиллярам несущие кровь.

Веруй в домашнее чудо природы —
Свет, прорастающий лампочки из.
Даже при полном отсутствии, сроду
Не прекратится привычная жизнь.

Тихий монтер над электрощитами
Будет, искусственной молнии средь,
Модули чинно меняя местами,
На новолуние медью звенеть.

Труд его, знает, не будет напрасен.
Ловко трехгранной отверткой махнет,
Скажет: «Да будет!» И будет прекрасен
Свет, под которым ломается лед.

* * *

Белгород—Москва. Райцентр Дьячкова.
За окном деревья семянят.
Проводница в блузке подростковой
робко спрашивает у меня:

— Кофе? Чай?

Как дурачок, киваю.
Тарахтит стаканчик на столе,
в такт стихам как будто подвывая, —
Кофе, чай, «Последний вечер ле...»

Роман Владимирович Рубанов родился в 1982 году в деревне Стрекалово Хомутовского района Курской области. Окончил факультет теологии и религиоведения Курского государственного университета и Рыльское педагогическое училище. Работает главным режиссером Концертно-творческого центра «Звездный», актер Курского театра юного зрителя «Ровесник». Участник Форумов молодых писателей России. Лауреат литературной премии им. Риммы Казаковой «Начало». Лауреат премии «Писатель XXI века». Член Союза курских литераторов. Член Союза писателей Москвы. Обладатель Государственной стипендии Министерства культуры РФ. Публиковался в журналах «Арион», «Сибирские огни», «Нева», «Кольцо А», «Урал», «Новая Юность», «Гвидеон», «Плавучий мост», «День и ночь», «Литературной газете», сборниках «Новые писатели», альманахе «День поэзии» и других изданиях. Автор книг стихов «Соучастник» (М.: Воймега, 2014) и «Стрекалово» (М.: Русский Гулливер, 2016) Живет в Курской области.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ФЕВРАЛЯ

В пивбаре «Бабы слезы» толчея.
Здесь утоляют жажду мужики.
Вот бьет в бокал янтарная струя,
и в предвкушенье ходят кадыки.

Я как-то раз ходил туда с отцом.
Со света попадаешь в полумрак.
И со стены — подмигивает сом.
Народ. За стойкой тетка. Помню, как

отец меня из сада забирал.
Спешили мы. По телику хоккей.
Нас пропускают. Тетка трет бокал.
Отца торопят, дескать, побыстрей.

На блюде появляются рубли.
Над блюдцем тетка — не трудись, не кличь.
И в трехлитровку льется «Жигули»
янтарное, как дедовский «москвич».

Отец, взяв банку, запахнет пальто
и крепко за руку возьмет меня.
Вкус «Жигулей» мне не знаком. Зато
вкус этого предпраздничного дня

я помню: как отец был молодым
и на плечах меня везде таскал,
и запах «Жигулей», и «Астры» дым,
и Третьяка в воротах ЦСКА.

* * *

Диме Савосину

Дедовский самосад куришь. Все пальцы желтые.
Вот оно, городской, счастье с дымком «районки».
Летние вечера пасмурные, тяжелые.
Сахарная вода капает из колонки.

В школьном саду сидят на золотом крылечке
слева направо все самые дорогие.
Выпей, и, как всегда, станет немного легче.
Выпей и закуси горькую ностальгией.

Скоро опять в Москву. Будешь по серой ветке
белкой туда-сюда прыгать. Но душу греют
дедовский самосад и самогон соседкин,
магнитофон «Весна» серый без батареек.

Мы на крыльце стоим. Как на физкультминутку,
выстроились. Рассвет чуть проступил штрихами.
Ты закурился, брат, мокрую самокрутку
передавай и в путь с третьими петухами.

* * *

Погасли окна. И, переходя
на шепот, я спросил тебя: А знаешь,
что если ангелы с небес глядят
на нас, а в окнах света нет, и тьма лишь,

как в первый день творения, то мы
видны, как на ладони, видно даже,
как робко наше прошлое из тьмы
на стенах проступает белой сажей:

выходят бабки, деды и дядья,
и даже можно разглядеть лета их,
и, как на фотографии, семья
стоит и ждет, и птичка вылетает.

Что видно им еще? Ведь, кроме тьмы
и прашуров, что в памяти блуждают,
есть те, кого мы называем «мы»,
и те, кто нам ничуть не досаждают,

допустим, совесть, мелкие грехи,
и крупные, и страшные — все видно.
Погасли окна. Ангелы тихи.
И мы молчим, безропотны, невинны,

как при рожденье. Тенорок запел.
В крестильной тесной дышится свободно.
Вот крестные, священник, вот купель,
вот погружают нас поочередно,

вот «Верую...» запели, вот свечу
зажгли, святые с севера и юга
глядят, вот я — младенец, я кричу...
И мы, проснувшись, смотрим друг на друга.

* * *

Дождь зарядил. Тонкой пленкой накрыл деревню.
Так накрывают мебель во время ремонта.
Ходишь на ощупь, не находя дверей, но
все остальное находишь. Вот дом, уж он-то

твой. Обознался. Бывает. И стало страшно.
И ничего не ясно — зачем мы? кто мы?
Знаем отчасти, но так ли уж это важно?
Важен молочный запах родного дома,

важен соленый привкус ржаного хлеба,
важен молочный зуб в бирюзовой чашке,
важен прокисший запах скота из хлева.
Господи, дай мне вспомнить. Да как же тяжело!

Вязнешь в траве размокшей, и запах речки
тянется, пробирается во все щели.
Я говорю. Если я говорю. Но речи,
речи моей не слышно. Лишь еле-еле

слово мое позвякивает, бряцает.
Тускло все и гадательно. Савл, Савл,
как ты был прав. Но что-то вдали мерцает,
и нет никакой тьмы. Ты не оставил,

значит, меня. И я разрываю пленку.
Пахнет теплом и дымом — мороз по коже.
Тянется по песку легкий след ребенка.
Кто это? Это я. Это я, Боже.

* * *

Над Стрекалово дымка плывет.
Мама Дымку выводит из хлева
через двор — из ворот, поворот —
и налево.

На крученой веревке тугой,
до обеда, по сочному лугу
ходит Дымка, тряся головой
предрассветной, по кругу.

Там рассвет и трава высока,
луг широкий усыпан цветами.
Будет много у нас молока
и сметаны.

Тучным выменем, будто мешком,
золотыми набитым, позвякивает
и весь луг молоком
заволакивает.